Николай Казарян

Всеправославный собор: формирование новой православной геополитики

Nicolas Kazarian

The Pan–Orthodox Council: Shaping New Orthodox Geopolitics

Nicolas Kazarian — French Institute for International and Strategic Affairs; St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris and Catholic University of Paris (France). nicolas_kazarian@yahoo.com

The Orthodox Church is a complex geopolitical reality, and it does not constitute a homogenous block. On the contrary, the rise of irredentism during the 19th century has created the basis for constant territorial fragmentation throughout the 20th century. Surprisingly, the worldwide Orthodox population continues to increase. The convergence of these two phenomena is a starting point for a reinvestigation of Orthodox power in international affairs, as well as a profound strategic change affecting the communion of the fourteen local Orthodox Churches. This article examines how Orthodoxy, through the process of convening a Holy and Great Council, has responded to geopolitics by developing new approaches and new Orthodoxy identities; how the territorial changes affected their strategies in the Diaspora; what was their role in new international conflicts. The first part of the article deals with an epistemological approach to place Orthodoxy in the context of geopolitical studies, while the second part highlights the persistence of a bipolar paradigm opposing the Patriarchates of Constantinople and Moscow. Finally, the paper considers geopolitical challenges for Orthodoxy created by today's politico-religious crisis in Syria.

Keywords: Orthodox Church, Pan-Orthodox council, geopolitics, identity, territory, Diaspora.

Введение

Православная церковь является сложной геополитической реальностью и отнюдь не однородна. Напротив, волна ирредентизма создала в течение XIX века основу

для ее постоянной фрагментации в XX. Цепь исторических событий сократила территорию православных общин, вынуждая местное население к эмиграции на Запад, что привело к трансформации карты православия. Среди таких событий — великая русская революция (1917), обмен населением между Грецией и Турцией (1923), массовые убийства православных сербов со стороны хорватских усташей (1942–1944), утверждение коммунизма на Балканах (1945), начало современных конфликтов на Ближнем Востоке (1948), турецкое вторжение на Кипр и раздел страны (1974), гражданская война в Ливане (1975), балканские конфликты (1991–2000), крах Советского Союза (1991), вторжение в Ирак (2003), независимость Косово (2008), российско-грузинская война (2008), «арабская весна» (2010), а также сирийский кризис (2011) и затем конфликт на Украине.

Тем удивительней, что православное население продолжает расти во всем мире. По словам Антуана Аржаковского, руководящего научно-исследовательской работой Бернардинского колледжа в Париже, «в течение XX в. православное население удвоилось с 124 923 000 до 274 447 000 адептов, по данным 2010 года»[1]. Совместное действие двух этих факторов — территориального дробления и прироста населения — служит отправной точкой для переоценки влиятельности православия в контексте международных отношений, а также для изучения глубоких стратегических изменений, затрагивающих сообщество (федерацию) четырнадцати поместных православных церквей[2].

В XXI в. православие стало эффективным игроком на международной арене и настоящей геополитической силой. В мире, переживающем последствия холодной войны и событий «11 сентября», православные церкви способны отвечать на новые глобальные и геополитические вызовы, проводя в жизнь стратегии, уникальные для каждой из автокефальных (независимых) церквей. Специфические особенности различных контекстов зависят от временных, исторических, миграционных, культурных

1. Arjakovsky, A. (2013) *Qu'est-ce que l'orthodoxie*. Paris: Gallimard.

2. Согласно порядку протокола, Православная церковь объединяет следующие общины: древние патриархаты Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима, а также «новые» патриархаты — Московский, Сербский, Румынский, Болгарский, Грузинский и прочие автокефальные церкви: Кипра, Греции, Польши, Албании, Чехии и Словакии. В настоящее время между Константинопольским и Московским патриархатами существует несогласие по поводу признания Православной церкви в Америке. Автокефальный статус был ей предоставлен Русской церковью в 1970 году.

и этнических предпосылок, сложившихся в каждом из таких сообществ. В общих рамках государственной дипломатии православные церкви следуют своей собственной геополитической повестке[3]. Но центр тяжести православия в настоящее время смещается за пределы его традиционных границ, создавая тем самым новые геополитические условия и новые точки напряжения между церквами.

В этом контексте переопределения международной расстановки сил созыв Всеправославного собора представляется абсолютно необходимым для того, чтобы обозначить единство общения между православными церквами. Идея «Святого и Великого Собора», как его еще называют с отсылкой к I Никейскому собору (325), сформировалась в первые десятилетия XX в. Первый Всеправославный конгресс был созван в 1923 г. в Константинополе; в том же году был осуществлен обмен населением между Грецией и Турцией согласно Лозаннскому мирному договору. Позже, в 1930 г., в Ватопедском монастыре на горе Афон состоялась конференция при участии нескольких православных церквей. Однако только при Вселенском патриархе Афинагоре (1886–1972) процесс подготовки к созыву Всеправославного собора набирает силу[4]. В 1961 г. на Родосе состоялось I Всеправославное совещание, тем самым официально положив начало предсоборному процессу. Были предложены различные темы, которые могли бы войти в повестку собора, включая вопрос об отношениях между различными православными церквами[5]. В итоге в ходе I Всеправославного предсоборного совещания в 1976 г. в Шамбези (Швейцария) были отобраны десять тем[6]. Одновременно с этим начинается подготовка материалов для собора: были составлены различные тексты по каждой теме с учетом позиции каждой поместной православной церкви. Эти тексты стали результатом интенсивных переговоров, проводившихся в поисках единогласно

3. Комплексное исследование различных политических и религиозных моделей в православном мире см. в важной научной публикации: Fokas, E. (2014) “Pluralism and Religious Freedom in Majority Orthodox Contexts”, *Working Paper* 49 (Athens: ELIAMEP).

4. Clément, O. (1976) *Dialogue avec le patriarche Athénagoras*. Paris: Fayard.

5. Mahieu, P. (2012) *Paul VI et les orthodoxes*. Paris: Cerf.

6. Эти десять тем таковы: 1. Православная диаспора. 2. Способ предоставления автокефалии. 3. Способ предоставления автономии. 4. Диптихи (порядок чести поместных церквей). 5. Церковный календарь. 6. Канонические препятствия к браку. 7. Посты. 8. Отношения с инославием. 9. Экуменическое движение. 10. Роль Православия в укреплении мира, братства и свободы.

принятого решения. Вселенский патриархат председательствовал и управлял секретарской работой в ходе подготовки собора. До настоящего момента состоялись пять всеправославных предсоборных совещаний (1976, 1982, 1986, 2009, 2015). Острый кризис разразился между Константинопольским и Московским патриархатами в 1990-е гг. вокруг автономии Эстонской православной церкви, что привело к приостановке предсоборного процесса в период с 1996 до 2008 г.[7] С 2008 г. православные предстоятели, возглавляемые Вселенским патриархом Варфоломеем (1940 г.р., вселенский патриарх с 1991), единодушно высказываются за скорое проведение собора. В марте 2014 г. Собрание предстоятелей православных церквей (*Synaxis*) на Фанаре (Стамбул), в центре Вселенского патриархата, решило организовать специальную (*ad hoc*) межправославную комиссию для адаптации или правки некоторых текстов, которые нуждались в обновлении до проведения собора. «Святой и Великий Собор» должен состояться на Крите в июне 2016 года, в праздник Святой Троицы.

В послании, опубликованном вскоре после марта 2014 г., *Synaxis* выдвигает на первый план взаимозависимость между подготовкой Всеправославного собора и сложной геополитической реальностью православия, фокусируясь на двух особенно щекотливых вопросах: Украине и Сирии. Документ гласит: «Прежде всего *Synaxis* рассмотрел ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке, и недавние события на Украине, а также сохраняющуюся неопределенность относительно судьбы епископов Алеппо, митрополита Павла и митрополита Иоанна Ибрагима, которые были похищены и продолжительное время удерживаются неизвестными лицами»[8]. После чего следует общее заявление:

> Собрание Предстоятелей предоставляет нам благословенный случай укрепить наше единство чрез общение и сотрудничество, и мы вновь подтверждаем нашу приверженность соборности как принципу первостепенной важности для единства Церкви. Мы исповедуем, как учил святой Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, что “имя Церкви есть имя единства и согласия, а не разделения”. Наши сердца исполнены упования на долгожданный Святой

7. Kaluzny, T. (2012) “The History at the Present Stage of the Preparations for the Pan-Orthodox Council”, *Studia Oecumenica* 12: 153–160.

8. Synaxis of Primates of Orthodox Autocephalous Churches. (2014) “Communiqué”, *Orthodox Christian Network* [http://myocn.net/ecumenical-patriarchate/, accessed on 30.12.2015].

> и Великий Собор, который будет свидетельством единства Церкви и ее заботы о современном мире[9].

Однако проявлению православного единства может угрожать современная геополитическая расстановка сил, затрагивающая межцерковные союзы и бросающая вызов взаимоотношениям между верой и политикой. В этой статье я рассмотрю реакцию православия на геополитику через развитие новых подходов, обращая особое внимание на диалог между православием и этнической идентичностью, на то, как территориальные изменения сказываются на стратегиях православных церквей, направленных на сохранение их власти над общинами в диаспоре, и на их роль в контексте конфликтов. Другими словами, можно ли говорить о том, что в эпоху многополярности — или «аполярности» — в международных отношениях, наступившую после окончания холодной войны, складывается новая карта православной геополитики?[10] Чтобы ответить на этот вопрос, в настоящей статье будет представлен анализ в трех частях. В первой части использован эпистемологический подход, который позволяет поместить православие в контекст геополитических исследований при рассмотрении диалектики священного, идентичности и территории. Во второй части будет выдвинуто на первый план постоянство биполярной парадигмы, в которой существует противостояние между патриархатами Константинополя и Москвы, а также проблемы религиозной диаспоры. В заключительной части будут рассмотрены геополитические вызовы, перед которыми ставит православие нынешний религиозно-политический кризис в Сирии.

1. Осмысление православной геополитики

Изучение геополитического измерения православия началось в области политологии, прежде всего во Франции, с начала югославских войн (1991–2000). Ожесточенный конфликт в Юго-Восточной Европе, в ходе которого возник термин «балканизация» для обозначения территориальных фрагментаций, основанных

9. Synaxis of Primates of Orthodox Autocephalous Churches.
10. Hass, R. (2008) "The Age of Nonpolarity", *Foreign Affairs*. [https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity, accessed, 15.12.2015].

на этнорелигиозных столкновениях, стремительно разрушил надежды на гегельянский «конец истории».

После падения Берлинской стены в 1989 г. и окончания холодной войны Фрэнсис Фукуяма в «Конце истории» предсказал сокращение идеологических конфликтов в пользу глобального взаимодействия, в котором либерализм и капитализм будут функционировать как регуляторы конфликта[11]. Однако кровавые Югославские войны в пух и прах разбили эти аргументы, а Сэмюэл Хантингтон, автор «Столкновения цивилизаций», поспешил их опровергнуть. История не закончилась в начале 1990-х, поскольку продолжала проливаться кровь, и не только на Балканах, но и в Руанде (1994). В ставшей знаменитой статье, опубликованной в журнале *Foreign Affairs* (1993), Хантингтон утверждал, что идеологические конфликты действительно завершены в связи с крахом марксизма как альтернативы либеральному капитализму, но обширные регионы мира продолжат сталкиваться вдоль культурных и, шире, вдоль религиозных границ. Хантингтон предложил список различных цивилизаций: западная, латиноамериканская, православная, восточный мир, мусульманский мир, Африка южнее Сахары; при этом он отдавал приоритет религиозной солидарности внутри обширных культурных ареалов. Религия стала новым идеологическим фоном для глобальных конфликтов. Позиция Хантингтона была очевидна: призыв к сплочению Запада (США и Европы) под американским руководством с целью противостоять исламской угрозе или, хуже того, маловероятному «исламско-конфуцианскому» союзу. Нужно заметить, что, согласно Хантингтону, православный блок — включая бывший Советский Союз, бывшую Югославию (за исключением Хорватии и Словении), Болгарию, Кипр, Грецию и Румынию, а также Армению, несмотря на то, что большинство ее населения являются приверженцами Армянской апостольской церкви, — скорее солидаризируется с исламом в его противостоянии западному христианству, хотя сам этот «союз» расколот по линии, пересекающей юго-восточную Европу, чем и объясняется югославская война.

11. Fukuyama, F. (1992) *The end of History and the last man*. New York: The free press.

1. 1. Православная цивилизация

Согласно Хантингтону, цивилизации дифференцированы по принципу инаковости:

> Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, — религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями[12].

Чаще всего объектом критики, направленной против теории Хантингтона, оказывается представление об однородности блоков цивилизаций. Даже беглый взгляд на состав православных церквей обнаруживает разнообразие культурных — не говоря уже об этнических — контекстов, которые формируют этот блок и образуют характерные цивилизационные области: греческую, славянскую, грузинскую, арабскую и т.д. Но это вполне адекватно отражает роль религии в своего рода международном разделении мира, которому православие не осталось абсолютно чуждым. Действительно, патриарх Московский Кирилл, как известно, использует выражение «православная цивилизация». Это не только патриотическая концепция, определяющая культурный фундамент славянского мира, но и признание религии как «матрицы… которая поддерживает основные идеологические тенденции, продвигаемые политической властью и преобладающие над общинной и коллективной идентичностью… На международной арене

12. Huntington, S. (1993) "The Clash of Civilizations?", *Foreign Affairs* (Summer) [https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations, accessed on 08.12.2015].

Церковь отстаивает модель сосуществования и диалога цивилизаций, противостоящую однополярному миру, а также защищает внешнюю политику государства»[13].

В то же время религия не должна сводиться к ее чисто идеологическому измерению как единственному фактору, объясняющему любой современный конфликт. Можно даже задаться вопросом о том, приложима ли вообще теория цивилизации к контексту православия. По словам французского философа и православного богослова Жана-Франсуа Колозимо, «эта теория представляется неочевидной. Судя по всему, она находится под чрезмерным влиянием западоцентризма Шпенглера»[14]. Освальд Шпенглер[15], немецкий философ начала XX в., явился вдохновителем не только теории столкновения цивилизаций у Хантингтона, но и понятия «псевдоморфозы» (*pseudomorphosis*) у Георгия Флоровского, который определял богословские границы православной церкви в противовес влиянию Запада, начиная с XVI века[16]. Согласно Шпенглеру, цивилизации не могут скрещиваться между собой. Процесс роста и развития цивилизации обеспечивает ее внутреннюю однородность. Тем не менее, «православный блок» пережил распад прежде чем возникнуть вновь: с 1991 по 2001 г. новые Балканские войны, казалось, восстановили линию границ, идущую от Риги к Сплиту, которая с VIII в. отделяла османско-византийскую Европу от франкско-латинской Европы. В то же время Россия не смогла предотвратить ни отсечение Косово от Сербии, ни интеграцию Болгарии и Румынии в Европейский союз, окончательно положив конец югославским и панславянским идеям «всеправославия»[17].

1.2. Православие, пространство и идентичность

В литературе разговор о геополитической реальности православия в рамках междисциплинарного подхода, на стыке политических наук и географии, впервые начал Франсуа Тюаль.

13. Rousselet, K. (2013) “Sécularisation et orthodoxie dans la Russie contemporaine: pour une hypothèse continuiste?”, *Questions de recherche* 42:16.
14. Colosimo, J.-F. (2010) “Métamorphose du divin”, *Le Débat* 160:84.
15. Spengler, O. (1918–1922) *Der Untergang des Abendlandes*. Vienna/Munich: Verlag C.H. Beck.
16. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937.
17. Colosimo, J.-F. “Métamorphose du divin”, p. 84.

До 2000-х он и Жорж Превелакис, профессор географии в университете Пантеон Сорбонна (Париж I), были единственными учеными, исследовавшими православие как ключевой компонент геополитического распределения сил на Балканах в 1990-е гг. и как постоянный силовой фактор в течение последних лет коммунистического периода в России. В этом смысле их подход был направлен на изучение взаимодействия между верой, идентичностью и территорией. Тюаль замечает: «Геополитика православного мира показала нам, что религия как источник национальной идеологии и коллективной легитимации служит матрицей геополитических представлений, на которых, в конечном счете, строится мир»[18].

Если мы допускаем, что православие — геополитическая реальность, то именно потому, что это — религия, глубоко укорененная территориально. Территория является существенным элементом и административной структуры православной церкви, и православной экклезиологии общения. Православные автокефальные церкви — это территориальные единицы, сформированные на основе исторических административных сетей. Некоторые из них восходят к периоду Римской империи. С богословской точки зрения разработка «экклезиологии общения» в течение XX в. усилила значение территориальных границ как канонических пределов общин, объединенных вокруг одного епископа — гаранта единственной законной Евхаристии, совершаемой в одной ограниченной области — епархии[19]. Территория значима не только в качестве канонического пространства — постепенно она стала опорой религиозной, этнической и национальной идентичности[20].

Закат Османской империи в конце XIX в. повлек за собой пересмотр религиозных идентичностей. Традиционные общинные символы послужили основанием для современных националистических и ирредентистских притязаний. Официальный статус *миллета* (этнорелигиозной общины), которым пользовались *руми* — православные греки империи, не ставил под вопрос универсальное измерение евангельского провозвестия, поэтому

18. Thual, Fr. (1993) *Géopolitique de l'orthodoxie*, p. 121. Paris: Dunod.

19. Afanasiev, N. (1975) *L'Eglise du Saint-Esprit*. Paris: Editions du Cerf; Zizioulas, J. (2001) *Eucharist, Bishop, Church — The Unity of the Church in the Divine Eucharist and the Bishop During the First Three Centuries*. Boston: Holy Cross Orthodox Press.

20. Prévélakis, G. (1994) *Balkans. Cultures et géopolitique*. Paris: Nathan.

Константинопольский патриархат оставался элементом единства на османских Балканах вплоть до подъема греческого национального сознания. Однако растущая политическая роль Константинопольского патриарха как *миллет-баши* (этнарха) изменила чисто духовную природу его сана, в то же время ослабив объединяющий характер его авторитета в православном мире, что способствовало возникновению множественности все более осознанных этнических идентичностей. Распространение подобных идеалов в кругах грекоязычной *интеллигенции*, которая все более явно поляризовалась по вопросу территориального отделения, влияло на самопредставление православной церкви. Эти националистические движения вовлекали религиозные символы в процесс формирования национальных идентичностей. Такое наложение ясно прослеживается в решении короля Оттона сделать национальным праздником Греции день, следующий за годовщиной независимости страны, дабы тот совпал с праздником Благовещения — 25 марта. В тот же период православие стало краеугольным камнем националистических идеологий не только в Греции, но также в Сербии и Болгарии. Административная структура православной церкви удачно вписалась в националистическую программу. По словам Виктора Рудометофа, доцента социологии в Кипрском университете, «хотя институт территориальных автокефалий является частью восточноправославной традиции, устройство национальных церквей на Балканах служило не только церковным замыслам, но и обеспечило материальную и идеологическую инфраструктуру для роста национального самосознания масс»[21]. Наряду с процессом формирования национальных идентичностей мы можем наблюдать похожий религиозный феномен, который можно описать как церковное строительство, приведшее к созданию современных автокефальных православных церквей (в Греции — 1833, Болгарии — 1870, Румынии — 1885).

Гораздо более проблематичными, чем основание Элладской православной церкви (1833), явились сепаратистские тенденции Болгарского экзарха в Стамбуле, который, будучи недовольным фактом пребывания своей общины на канонической территории Вселенского патриархата, считал этнорелигиозные конфигура-

21. Roudometof, V. (2011) "The Evolution of Greek Orthodoxy in the Context of World Historical Globalization". in Roudometof V., Makrides V. N. (eds.) *Orthodox Christianity in 21st Century Greece*, p. 26. Farnham: Ashgate.

ции (этнофилетизм или, другими словами, расизм) более важными, нежели духовное единство универсального провозвестия Православной церкви. Константинопольский собор официально осудил эту тенденцию в 1872 году[22]. Несмотря на это осуждение, распространение православия как основного символа идентичности не ограничилось Грецией, но утвердилось в качестве парадигмы во всей Юго-Восточной Европе. Нельзя сказать, что православие несло в себе некие зачатки национализма — такое обобщение было бы преувеличением. Тем не менее создается впечатление, что «критерии», выработанные Православной церковью, позволяют ей ответить на вопрос о коллективной идентичности, эксплуатируя приверженность националистическим идеалам, основанным на этничности.

Эти территориальные реконфигурации привели к формированию определенных тенденций, а также транснациональных и даже трансконтинентальных сетей. Они сопровождаются укреплением идентичностей, сформированных в контексте «диаспоры», то есть вне границ канонических территорий православных поместных церквей (Западная Европа, Америка, Азия и Австралия). «Детерриториализация» православных церквей является, возможно, наиболее значимым признаком устойчивости этнорелигиозного синтеза в условиях нынешней глобализации[23]. Православные церкви продолжают защищать интересы своих государств, выступая в качестве ретрансляторов влияния. Православная церковь считается «мягкой силой» таких государств, особенно на международном уровне, что подчеркивает связь между религией, государством и нацией. Франсуа Тюаль как-то сказал, что «специфика православия — это симбиотический сплав между национальным государством и религиозной сферой»[24]. Геополитика православия, очевидно, находится под влиянием того же самого «сплава».

22. Sardes, M. de (1975) *Le Patriarcat œcuménique dans l'Eglise orthodoxe: étude historique et canonique*. Paris: Beauchesne.

23. Kazarian, N. (2012) "Orthodoxie et mondialisation, une résistance en mouvement : Étude des paradigmes grecs et russes", in Massignon, B., Grannec, C. (eds) *Les religions dans la mondialisation : entre acculturation et contestation*, p. 125–146. Paris: Editions Karthala.

24. Thual, Fr. *Géopolitique de l'orthodoxie*, p. 115.

2. Множественность (*multilarity*) и биполярная парадигма

Обзор православного мира свидетельствует о постоянном напряжении, существующем — в рамках подготовки Всеправославного собора — между патриаршими престолами Константинополя и Москвы по вопросу о диаспоре. Однако причины этого напряжения и используемые стратегии существенно отличаются, невзирая на общность ареала. Существование православных общин в «диаспоре», то есть вне пределов канонической территории поместных церквей, привело к тому, что перед православными церквами встали новые задачи. Первая из них заключается в том, чтобы структурировать общины в диаспоре. Это в первую очередь относится к греко-американским православным, окормляемым Вселенским патриархатом. В этой же перспективе следует понимать рост авторитета Московского патриархата в Западной Европе и его усилия по возвращению прав собственности и управления историческими российскими владениями за пределами России.

Как отмечает Василиос Пневматикакис в своей докторской диссертации, специальное геополитическое изучение диаспор началось после 2000 года[25]. Можно привести несколько причин. С одной стороны, это возросшее количество публикаций о религии после терактов «11 сентября». С другой стороны, интерес к этой теме усилился из-за выхода православных деятелей на международную арену благодаря влиянию Московского патриархата и того факта, что традиционно православные страны — такие как Кипр (2004), Болгария и Румыния (2007) — вступили в Европейский союз[26]. Пневматикакис отмечает: «Как только Православная церковь стала объектом изучения в западном мире, вне традиционного восточного контекста, обнаружилось, что ее геополитическая конфигурация меняется: баланс силы, идеологические идентификации, сквозные символические темы стали другими»[27].

25. Pnevmatikakis, V. (2014) *La géopolitique de la diaspora orthodoxe en France : territoire, pouvoir, identité*. Ph.D. Thesis. University of Paris 8.

26. Massignon, B. (2005) “Les représentations orthodoxes auprès de l’Union européenne: entre concurrence inter-orthodoxe et dynamique d’européanisation”, *Balkanologie* 9 (1–2): 265–287.

27. Pnevmatikakis, V. *La géopolitique de la diaspora orthodoxe en France*, p. 14.

2.1. Вселенский оксюморон

Вселенский патриархат — пример такой перемены. Как *primus inter pares* («первый среди равных») в сообществе православных церквей, он стремится преодолеть ситуацию, в которой находится: ситуацию очевидного оксюморона. Первенствующая православная церковь обладает весьма ограниченной территорией (Стамбул, большая часть Турции, Святая гора Афон, Крит, часть северной Греции, Додеканес) и не имеет фактически никакой политической поддержки, за исключением Греции, чей дипломатический потенциал ограничен экономическим кризисом. Положение Вселенского патриархата в Турции еще хуже. Его паства там исчезающе мала, а правовой статус отрицается в течение уже многих десятилетий. Халкинская богословская семинария закрыта с 1971 года. С «Великой Константинопольской церковью» обращаются как с маргинализованным меньшинством турецкого социума, невзирая на попытки церкви способствовать интеграции Турции в Европейский союз[28].

На эту фактическую слабость Вселенский патриархат отреагировал стратегией легитимации, призванной укрепить его духовную власть над всем православным миром, и прежде всего через утверждение духовной юрисдикции над диаспорой. Поскольку юрисдикция Константинопольского патриархата простирается преимущественно на греческую диаспору, все его инициативы осуществляются за пределами его канонической территории, определенной Халкидонским собором (451). Притязания Вселенского патриархата связаны в первую очередь с его статусом *протоса* (первого), закрепленном в 28-м каноне этого собора, который дает патриархату право действовать за пределами своей канонической территории.

Таким образом, Константинопольская церковь стремится объединить полиэтничные общины и укорениться в тех частях мира, которые находятся за пределами территорий отдельных православных церквей. Однако проблема диаспоры не ограничивается процессом интеграции, но маркирует намного более глубокий сдвиг в духовном призвании каждой из поместных церквей. Универсальное провозвестие спасения глобализуется, в то время как богословские и культурные особенности становятся символа-

28. Anastassiadou, M., Dumont, P. (2011) *Les Grecs d'Istanbul et le patriarcat œcuménique au seuil du 21e siècle: une communauté en quête d'avenir*. Paris: Cerf.

ми идентичности, рассеянными по всему миру. Церкви обращаются к носителям этих символов, не различая между религией и этнической принадлежностью. Этот переход от универсального к планетарному обусловлен *этнизацией* религиозных символов. Поэтому православные церкви, обладающие ярко выраженной национальной идентичностью, стремятся выйти за пределы своих канонических территорий, дабы ярче проявить себя на глобальном уровне. Что касается православных диаспор, то создается впечатление, что межправославные отношения за пределами традиционных канонических территорий регулируются мотивациями, основанными на этнических идентичностях. Православная церковь Кипра ввела в свой Устав (1980, ст. 2) пункт, согласно которому ее юрисдикция распространяется не только на всю островную территорию — что создало проблему религиозного управления в северной части острова, находящейся под контролем Турции, — но и на всех киприотов по происхождению. Этот пункт никогда фактически не применялся, поскольку непосредственно противоречил позиции Вселенского патриархата по вопросу о юрисдикции над грекоязычной диаспорой, особенно в Англии[29]. Этнически обусловленные реакции, судя по всему, усугубляются утратой собственной территории: общины акцентируют свои конститутивные символические элементы, дабы противостоять любой потере идентичности[30].

Вселенский патриархат утверждает свое доминирующее положение в диаспоре через организацию и функционирование епископских собраний, учрежденных IV Всеправославным предсоборным совещанием (Шамбези, 2009). В этих временных структурах председательствуют представители Вселенского патриархата в различных западных странах[31], что позволяет использовать их национальные сети для озвучивания притязаний Вселенского патриархата и подтверждения его первенства как представляющего весь православный мир. Греко-американская община и Константинопольская церковь продолжают поддерживать тесную связь через Греческую православную архиепископию с центром в Нью-Йорке (с 1931 г.) и через ассоциацию архонтов Вселенского па-

29. Кипр до 1960 г. находился под властью Великобритании, поэтому греческая диаспора в Англии широко представлена греками-киприотами (*Прим. ред.*).

30. Mämmerli, M., Mayer, J.-F. (eds.) (2014) *Orthodox Identities in Western Europe: migration, settlement and innovation*. Farnham, Surrey; Burlington: Ashgate.

31. Kazarian, N. (2015) "The Orthodox Church in France facing French secularism ('laïcité')", *Religion, State and Society* 43/3: 244–261.

триархата, которая оказывает давление на американский политикум с целью сохранения патриархата в Турции. Кроме обеспечения значительной финансовой помощи, архонты также занимаются международным лоббированием, прежде всего в европейских институциях, добиваясь рассмотрения вопроса о религиозной свободе в Турции в рамках общей стратегии по защите прав человека. Их цель состоит в том, чтобы увековечить присутствие патриархата в Турции, используя для этого, в частности, требование возобновить деятельность богословской школы на о. Халки, которая была закрыта турецкими властями в 1971 году.

2.2. Противостояние Западу и объединение российской диаспоры

Московский патриархат, в дополнение к миссионерскому духу, выкованному опытом XIX в., направляет свои пастырские усилия на формирование коллективной духовной идентичности — уже не чисто русской, но славянской. Вводится в действие двойной процесс «детерриториализации»: не только за счет развертывания активности за пределами российского государства, но и через придание особой ценности иконографии (которая не столько этнична, сколько общекультурна в своем переступании границ), а также «православной цивилизации», противостоящей Западу. Кати Русселе замечает: «Церковь не только не мирится с сужением своих границ, но осуществляет свою миссию в рамках региональной интеграции, предоставляя “духовное гражданство” миллионам русских, ныне находящимся за пределами России, или защищая территорию под своей юрисдикцией»[32]. В этой способности Московского патриархата распространять свое влияние за пределы как Российского государства, так и собственной юрисдикции заключается преимущество, которое политические власти страны не только не стараются минимизировать, но даже явно поддерживают, возлагая на патриархат управление имуществом, составляющим религиозное архитектурное наследие государства за пределами России. Правовые споры о принадлежности российского православного собора в Ницце и строительство Российского православного духовного центра в самом сердце Парижа следует рассматривать в свете сложившейся ситуации. Политические

32. Rousselet, K. (2001) “Globalisation et territoire religieux en Russie”, in Bastian, J.-P., Champion, F., Rousselet, K. (eds.) *La Globalisation du Religieux*, p. 194. Paris: L’Harmattan.

и духовные сферы пересекаются и взаимодействуют на благо общих интересов, хотя их отношения и остаются неоднозначными.

Территориальная реконфигурация православия, связанная с политической нестабильностью и миграционными потоками, сопровождается символическими изменениями, а общины отчуждены друг от друга, в то время как они должны бы пребывать в единстве. Именно такова была ситуация в российской диаспоре во Франции. Геополитические перевороты в ходе русской революции октября 1917 г. и Первой мировой войны сформировали православный ландшафт Западной Европы. Многие русские бежали во Францию от революции. Этот миграционный поток можно объяснить как традиционными отношениями между Францией и Российской империей, так и возросшей потребностью в трудовых ресурсах в 1920-е годы. Согласно цифрам, приведенным Лигой Наций, 400 тысяч русских осели тогда во Франции. Малочисленные прежде приходские общины разрастались в Париже и в крупнейших промышленных зонах, таких как Лотарингия и Северные Альпы. Православные интеллектуалы объединились вокруг Свято-Сергиевского Парижского богословского института.

Однако противостояние коммунизму продолжало усложнять карту православных юрисдикций. Возрастающая жесткость советского режима способствовала возникновению схизм в Русской церкви диаспоры. Митрополит Евлогий, глава российской диаспоры, разорвал отношения с Московским патриархатом и подал прошение о переходе русской диаспоры в юрисдикцию Константинопольского патриархата в статусе экзархата. Экзархат объединил две трети российских эмигрантов, а его главными центрами стали находящиеся в Париже Собор св. Александра Невского и Свято-Сергиевский институт. Лишь небольшая группа осталась верна Московскому патриархату по причинам экклезиологического характера, отказав Константинопольскому патриархату в праве управлять всей православной диаспорой. Кроме того, в 1926 г. была образована Русская православная церковь за рубежом с центром в Сремских Карловцах (Югославия), но во Франции присутствие этой консервативной церкви было маргинальным.

Василиос Пневматикакис, вслед за Николаем Зерновым, рассматривает «фрагментацию российской православной диаспоры на три различные юрисдикции как результат кристаллизации трех разных подходов к церкви и ее взаимоотношениям с госу-

дарством»[33]. Эти три подхода сократились до двух в 2007 г., когда Московский патриархат и Русская церковь за рубежом подписали Акт о каноническом общении. Это было проявлением взгляда, согласно которому подлинность русской православной идентичности определяется через органическую связь с Московским патриархатом. Для Русской православной церкви эта связь жизненно важна. Однако с точки зрения экзархата церковная идентичность не может быть обусловлена идентичностью национальной. Для взаимодействия с этой детерриториализированной организацией Московский патриархат имеет специальный отдел внешних связей, непосредственно отвечающий за контакты за рубежом. Действующий патриарх Кирилл многие годы возглавлял этот отдел, жизненно важный для структурирования диаспоры и ее участия в международных делах.

3. Вызовы Собора: карта православной геополитики на Ближнем Востоке

Ближний Восток, несомненно, является территорией, где изменения в православной геополитике наиболее ощутимы. Этот регион — узел множества противоречий, затрагивающих жизнь и присутствие православных церквей, традиционные связи, установленные ими за века, и политические союзы, которые они выстроили, дабы обеспечить свое существование.

3.1. Разрыв общения между Антиохийским и Иерусалимским патриархатами

Греко-православный патриархат Антиохии и всего Востока предупредил о том, что не согласен с проведением «Святого и Великого Собора Православной Церкви», пока не будет урегулирован его канонический конфликт с греко-православным патриархатом Иерусалима. Несмотря на то что представители Антиохийского патриархата присутствовали на Собрании предстоятелей православных церквей в Стамбуле в марте 2014 г., они не подписали итоговый документ из-за сохраняющейся канонической коллизии в Катаре.

33. Pnevmatikakis, V. (2013) *La territorialité de l'Eglise orthodoxe en France, entre exclusivisme juridictionnel et catholicité locale* (*Carnets de géographes* 6), Carnets de Géographes [http://www.carnetsdegeographes.org/carnets_recherches/rech_06_04_Prevmatikakis.php, accessed, 15.12.2016].

Спор начался в марте 2013 г., когда синод Иерусалимского патриархата избрал архимандрита Макария Мавроянnакиса архиепископом Катара. Этим актом Иерусалимский патриархат создал новую епархию на канонической территории Антиохийского патриархата, которая включает в себя Архиепископию Багдада, Кувейта и Аравийского полуострова и зависимые от нее епархии. Несмотря на протесты со стороны Антиохийского патриархата, Иерусалимский патриархат совершил хиротонию архимандрита Макария шестью днями позже. По требованию патриарха Антиохийского Иоанна X вопрос был вынесен на всеправославное рассмотрение. Антиохийский патриархат использовал его для оказания давления на Иерусалимский престол, запретив своим епископам в диаспоре принимать участие в местных епископских собраниях. Например, в течение этого периода митрополит Игнатий Аль-Хуши отсутствовал на регулярных заседаниях Собрания православных епископов во Франции. На внеочередной сессии Священного синода Антиохийской церкви (29 апреля 2014 г.) было принято следующее решение: «Антиохийский патриархат вынужден просить предстоятелей Поместных Православных Церквей в соответствии с предписаниями церковного канонического права как можно быстрее помочь в урегулировании настоящего конфликта, угрожающего православному единству»[34].

Официальные переговоры между двумя патриархатами под эгидой министра иностранных дел Греции и Вселенского патриарха привели в июне 2013 г. к соглашению, которое, однако, не соблюдалось Иерусалимским патриархатом. Эта ситуация вынудила патриарха Антиохийского в июне 2015 г. прервать «церковное общение с Иерусалимским патриархатом до особого решения». Патриарх Антиохийский настаивал «на принципе единогласия на всех всеправославных встречах при принятии решений всеми православными церквами-сестрами», а также заявил, что в практическом отношении «становится невозможным для всего духовенства Антиохийской Церкви участвовать в любом богослужении, возглавляемом клириками Иерусалимского патриархата или совершаемом с их участием». Между тем Иерусалимский патриархат утверждает, что его присутствие в Катаре восходит к концу 1990-х годов и позволяет создать местную общину, как было заяв-

34. Holy Synod of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch and All the East (2014) "Communiqué", *Orthodoxie* [http://www.orthodoxie.com/wp-content/uploads/2014/05/Communiqu%C3%A9Session ExtraordinaireSaintSynodeDu Patriar catGrecOorthodoxeAntiocheAvril2014.pdf., accessed on 09.12.2015].

лено в Коммюнике 10 июля 2015 года[35]. Антиохийский патриархат ответил в августе 2015 г. новым Коммюнике, где обращалось внимание на крайнюю запутанность ситуации[36]. В настоящее время ситуация заморожена.

Антиохийская церковь находится в центре напряженности, затрагивающей сегодня христиан на Ближнем Востоке, частично ее коснулся и сирийский конфликт[37]. Описанные выше события обнаруживают глубокие изменения в стратегии Антиохийской церкви, которая укрепляет союз с Московским патриархатом и российскими властями. При всей ее традиционной близости к Константинополю и открытости для греческой сферы влияния (как с лингвистической, так и с политической точки зрения), геостратегический сдвиг в сторону России и Московского патриархата высвечивает слабость греческой дипломатии как посредника и как государства-покровителя греко-православных на Ближнем Востоке[38]. Следует отметить, что обозначение «греческий» в данном контексте не имеет отношения к гражданству или этнической идентичности. Оно используется согласно культурной традиции, оставшейся от эпохи османского владычества, и обозначает в более широком смысле православную церковь в целом как «греческую» (*rum*) общину. Дипломатическая слабость греческого государства является одним из следствий финансового кризиса. Греция больше не поддерживает православные церкви в финансовом отношении. В результате церкви в этом регионе находятся в поиске новых финансовых источников, способных обеспечить их существование. Одна из таких возможностей состоит в том, чтобы расширить влияние в арабском мире — например, через установление новых дипломатических связей с Иорданией и Катаром. Это открывает возможности в том числе и для роста влияния России и Русской церкви на Ближнем Востоке.

35. Patriarchate of Jerusalem (2015) “The position of the Patriarchate of Jerusalem on the interruption of communion by the Patriarchate of Antioch”, *Jerusalem Patriarchate Official News Gate* [http://www.jp-newsgate.net/en/2015/07/10/15575, accessed on 09.12.2015].

36. Patriarchate of Antioch (August 2015) “Communiqué”, *Orthodoxie* [http://orthodoxie.com/wp-content/uploads/2015/08/Com_Antioche_Qatar.pdf, accessed on 09.12.2015].

37. Colosimo, J.-F. (2015) *Les hommes en trop*. Paris: Fayard.

38. Prévélakis, G. (1997) *Géopolitique de la Grèce.* Bruxelles: Ed. Complexe.

3.2. Московский патриархат на Ближнем Востоке

Сирийский конфликт, разгоревшийся в марте 2011 г., высветил эту политику экспансии. Сирийские христиане — всех деноминаций — боятся, что конец режима Башара Асада приведет к доминированию политического исламизма и что результатом будет еще большая их маргинализация. При этом следует учитывать, что подавляющее большинство христиан в стране окормляется греко-православной церковью Антиохии и всего Востока, патриаршая кафедра которой находится в Дамаске. Существует опасность, что при смене политического режима в Сирии не будет обеспечена защита христиан. В самом начале конфликта патриарх Кирилл, обращаясь к примеру Ирака, не скрывал своего неприятия внешнего вмешательства, дестабилизирующего положение меньшинств в стране, в особенности положение христиан, и выражал опасения по поводу возможных гонений.

Антиохийский и Московский патриархаты связывает долгая история взаимоотношений. Помимо прочего, она связана с мощным потоком российских паломников на Святую землю, в частности, к тем местам, которые находятся под юрисдикцией церковных властей Дамаска, а не Иерусалима. В этом отчасти заслуга Императорского православного палестинского общества, основанного в 1882 г. и укрепившего связи между двумя церквами.

Тупиковая конфликтная ситуация и непрестанные боевые действия вынудили патриарха Антиохийского Игнатия IV прервать молчание и выпустить 1 августа 2012 г. следующий пресс-релиз: «Христианам пришлось бежать из своих городов, оставив все, чем они владели, а наши священники были вынуждены покинуть свои церкви... Теперь мы обращаемся к Организации Объединенных Наций с просьбой понять нашу любимую страну, уважать ее и действовать сообща, дабы достигнуть мира и стабильности в Сирии». Патриарх Игнатий IV умер несколько месяцев спустя. Новый патриарх, Иоанн X, был избран 17 декабря 2012 года[39].

В России был организован сбор гуманитарной помощи, и смена предстоятеля не поставила под вопрос религиозный союз между Дамаском и Москвой. Однако два события, случившиеся вскоре, способствовали втягиванию христиан в существующий

39. Kazarian, N. (2014) “Orthodox Diplomacy” of Patriarch Kirill”, in Dubien, A. (ed.) *Russia 2014: The View from the Observatoire Franco-Russe*, p. 398–407. Paris: Cherche midi.

конфликт. Первым стало похищение в апреле 2013 г. митрополита Павла из Алеппо (брата патриарха Антиохийского Иоанна X) и сиро-яковитского митрополита Иоанна Ибрагима Алеппского; вторым — резня в христианской деревне Маалула, устроенная группой повстанцев в августе 2013 года. Эти события послужили для христиан знаком, предвещавшим их судьбу в случае свержения режима Асада.

Основные фазы нашего обзора касаются того, что Антуан Сфейр именует «параллельной дипломатией»: она не ограничивается пределами Сирии, но составляет глобальную стратегию в отношении Ближнего Востока[40]. По словам главного редактора издания *Cahiers de l'Orient*, попечение Московского патриархата о восточных христианах стало возможным вследствие ухода Франции из зоны ее традиционной ответственности, а также в результате прагматической позиции Соединенных Штатов, желавших исхода христиан из региона, что обеспечило бы однородность его этнического ландшафта. На первый взгляд, геостратегический подход Русской церкви к сирийскому вопросу полностью согласуется с дипломатической позицией Кремля. Тем не менее Московский патриархат и еще в большей мере патриарх Кирилл, несомненно, обладают ресурсами и влиянием, выходящими за пределы традиционных связей, что позволяет России вновь оказывать серьезное влияния в восточном Средиземноморье, особенно с началом военных действий России против Исламского государства в сентябре 2015 года.

Заключение

Православная церковь сама по себе есть геополитическая реальность. Этот факт оказывает влияние на подготовку Святого и Великого Собора, который намечен на июнь 2016 года. Будет ли это последним шансом для четырнадцати православных церквей обеспечить свое единство? Различные политические повестки, а также рост православных общин в диаспоре — факторы, регулирующие межправославные отношения. Очевидно, этих факторов недостаточно, чтобы сдержать затрагивающие их центробежные силы. Так, украинский конфликт и кризис на Ближнем Востоке являются только двумя из многих вызовов, с которыми Право-

40. Sfeir, A. (2011) "La France ne défendant plus les chrétiens d'Orient, la Russie a pris le relais", *Atlantico*, November 21.

славная церковь столкнулась в первые десятилетия третьего тысячелетия. Отметим другие ключевые геополитические проблемы, оставшиеся за рамками данной статьи:

- Официальное признание Вселенского патриархата турецкими властями и открытие Халкинской богословской школы;
- Совместимость Запада и Русской православной церкви;
- Переходный период от коммунизма к членству в Евросоюзе в Румынии и Болгарии;
- Процесс вхождения Сербии в Европейский союз и положение православия в Косово;
- Место православной церкви в Греции в период экономического и политического кризиса;
- Продолжающееся разделение Кипра.

Очевидно, что это не полный список, но он высвечивает хрупкое положение Православной церкви, стремящейся к определению себя как общины. Эти весьма специфические геополитические аспекты и связанные с ними изменения стратегического характера создают условия для сохранения биполярной напряженности, напоминая ситуацию, с которой мы столкнулись во время холодной войны. Разногласия между Константинопольским и Московским патриархатами сводятся к традиционной геополитической напряженности между авторитетом и властью: авторитет основывается на способности мобилизовать символы; власть предполагает возможность концентрировать на определенных направлениях не только символические, но также человеческие, финансовые, политические и территориальные ресурсы. Всеправославный собор покажет, как соотносятся авторитет и власть. На протяжении XX в. Православная церковь демонстрировала подлинную пластичность в отношении политических контекстов — от статуса государственной религии до гнета официального атеизма. Изменение геополитических парадигм — это долгий и сложный процесс, который продолжает оказывать влияние на мозаичную картину православной духовности, ускоряя изменения, связанные с верой, идентичностью, территорией и политикой.

Перевод с английского Марии Храмовой

Библиография / References

Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937.

Afanasiev, N. (1975) *L'Eglise du Saint-Esprit*. Paris: Editions du Cerf.

Anastassiadou, M., Dumont, P. (2011) *Les Grecs d'Istanbul et le patriarcat œcuménique au seuil du 21e siècle: une communauté en quête d'avenir*. Paris: Cerf.

Arjakovsky, A. (2013) *Qu'est-ce que l'orthodoxie*. Paris: Gallimard.

Clément, O. (1976) *Dialogue avec le patriarche Athénagoras*. Paris: Fayard.

Colosimo, J.-F. (2015) *Les hommes en trop*. Paris: Fayard

Colosimo, J.-F. (2007) "Bloc Note", *Orthodoxie* [http://www.orthodoxie.com/non-classe/bloc-notes-de-1-3/, accessed on 08.12.2015].

Colosimo, J.-F. (2010) "Métamorphose du divin", *Le Débat* 160: 79–93.

Sardes, M. de (1975) *Le Patriarcat œcuménique dans l'Eglise orthodoxe: étude historique et canonique*. Paris: Beauchesne.

Florovsky, G. (1937) *Puti russkogo bogosloviia* [Ways of Russian theology]. Paris.

Fokas, E. (2014) "Pluralism and Religious Freedom in Majority Orthodox Contexts", *Working Paper* 49 (Athens: ELIAMEP).

Fukuyama, F. (1992) *The end of History and the last man*. New York: The free press.

Hass, R. (2008) "The Age of Nonpolarity", *Foreign Affairs*. [https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity, accessed, 15.12.2015].

Holy Synod of the Greek Orthodox Patriarchate of Antioch and All the East (2014) «Communiqué", *Orthodoxie* [http://www.orthodoxie.com/wp-content/uploads/2014/05/Communiqu%C3%A9Session ExtraordinaireSaintSynodeDu PatriarcatGrecOorthodoxeAntiocheAvril2014.pdf., accessed on 09.12.2015].

Holy Synod of the Russian Orthodox Church. (2013) "Position du Patriarcat de Moscou au sujet de la primauté dans l'Eglise universelle", numéro de protocole 157, *Orthodoxie* [http://www.orthodoxie.com/actualites/position-du-patriarcat-de-moscou-au-sujet-de-la-primaute-dans-leglise-universelle/, accessed on 08.12.2015]

Huntington, S. (1996) *The Clash of Civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon & Schuster.

Huntington, S. (1993) "The Clash of Civilizations?", *Foreign Affairs* (Summer) [https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations, accessed on 08.12.2015].

Kaluzny, T. (2012) "The History at the Present Stage of the Preparations for the Pan-Orthodox Council", *Studia Oecumenica* 12: 153–160.

Kazarian, N. (2015) "The Orthodox Church in France facing French secularism ('laïcité')", *Religion, State and Society* 43/3: 244–261

Kazarian, N. (2014) "Orthodox Diplomacy" of Patriarch Kirill", in Dubien, A. (ed.) *Russia 2014: The View from the Observatoire Franco-Russe*, p. 398–407. Paris: Cherche midi.

Kazarian, N. (2013) "Chypre, les enjeux géopolitiques de l'axe orthodoxe ", *La Nouvelle Revue Géopolitique* 122: 51–57

Kazarian, N. (2012) "Orthodoxie et mondialisation, une résistance en mouvement : Étude des paradigmes grecs et russes", in Massignon, B., Grannec, C. (eds.) *Les religions dans la mondialisation: entre acculturation et contestation*, p. 125–146. Paris: Editions Karthala.

Krindatch, A. (2011) *Atlas of American Orthodox Christian Churches*, Brookline (MA): Holy Cross Orthodox Press.

Mahieu, P. (2012) *Paul VI et les orthodoxes*. Paris: Cerf.

Mämmerli, M., Mayer, J.-F. (eds) (2014) *Orthodox Identities in Western Europe: migration, settlement and innovation*. Farnham, Surrey; Burlington: Ashgate.

Massignon, B. (2005) "Les représentations orthodoxes auprès de l'Union européenne: entre concurrence inter-orthodoxe et dynamique d'européanisation", *Balkanologie* 9 (1–2): 265–287.

Patriarchate of Antioch (August 2015) « Communiqué ", *Orthodoxie* [http://orthodoxie.com/wp-content/uploads/2015/08/Com_Antioche_Qatar.pdf, accessed on 09.12.2015].

Patriarchate of Jerusalem (2015) "The position of the Patriarchate of Jerusalem on the interruption of communion by the Patriarchate of Antioch", *Jerusalem Patriarchate Official News Gate* [http://www.jp-newsgate.net/en/2015/07/10/15575, accessed on 09.12.2015].

Patriarchate of Moscow (2011) "His Holiness Patriarch Kirill meets with President of Syria Bashar al-Assad", *Department for the external relations of the Moscow Patriarchate* [https://mospat.ru/en/2011/11/14/news52135/, accessed on 09.12.2015].

Pew Research Center (2011) "Table: Christian Population in Numbers by Country", *Pew Research Center* [http://features.pewforum.org/global-christianity/population-number.php, accessed on 09.12.2015].

Pnevmatikakis, V. (2014) *La géopolitique de la diaspora orthodoxe en France : territoire, pouvoir, identité*. Ph.D. Thesis. University of Paris 8.

Pnevmatikakis, V. (2013) *La territorialité de l'Eglise orthodoxe en France, entre exclusivisme juridictionnel et catholicité locale* (*Carnets de géographes* 6), Carnets de Géographes [http://www.carnetsdegeographes.org/carnets_recherches/rech_06_04_Prevmatikakis.php, accessed, 15.12.2016].

Prévélakis, G. (1997) *Géopolitique de la Grèce*. Bruxelles: Ed. Complexe.

Prévélakis, G. (1994) *Balkans. Cultures et géopolitique*. Paris: Nathan.

Roudometof, V. (2011) "The Evolution of Greek Orthodoxy in the Context of World Historical Globalization", in Roudometof V., Makrides V.N. (eds.) *Orthodox Christianity in 21st Century Greece*, p. 21-38. Farnham: Ashgate.

Rousselet, K. (2013) *Sécularisation et orthodoxie dans la Russie contemporaine: pour une hypothèse continuiste?*, *Questions de recherche* 42:16.

Rousselet, K. (2001) "Globalisation et territoire religieux en Russie", in Bastian, J.-P., Champion, F., Rousselet, K. (eds.) *La Globalisation du Religieux*, p. 183-196. Paris: L'Harmattan.

Russian Orthodox Church in France (2013) "Message du Patriarche Cyrille de Moscou au Président des États-Unis Barack Obama à propos de la situation en Syrie", *Église Orthodoxe Russe en France* [http://www.egliserusse.eu/Message-du-Patriarche-Cyrille-de-Moscou-au-President-des-Etats-Unis-Barack-Obama-a-propos-de-la-situation-en-Syrie_a1303.html, accessed on 08.12.2015].

Sfeir, A. (2011) "La France ne défendant plus les chrétiens d'Orient, la Russie a pris le relais", *Atlantico*, November 21.

Schmemann, A. (1960) "La notion de primauté dans l'ecclésiologie orthodoxe", in *La Primauté de Pierre dans l'Eglise orthodoxe*. Neuchatel: Editions Delachaux & Niestlé.

Spengler, O. (1918-1922) *Der Untergang des Abendlandes*. Vienna/Munich: Verlag C.H. Beck.

Synaxis of Primates of Orthodox Autocephalous Churches. (2014) “Communiqué”, *Orthodox Christian Network* [http://myocn.net/ecumenical-patriarchate/, accessed on 30.12.2015].

Thual, Fr. (1998) *Le douaire de Byzance — Territoires et identities de l’Orthodoxie*. Paris: Ellipses.

Thual, Fr. (1993) *Géopolitique de l’orthodoxie*. Paris: Dunod.

Zizioulas, J. (2001) *Eucharist, Bishop, Church — The Unity of the Church in the Divine Eucharist and the Bishop During the First Three Centuries*. Boston: Holy Cross Orthodox Press.